

ИВАН ДУБИНИН

Цезарь В тесте

Иван Дубинин

Цезарь в тесте

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20615503
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Я, Евстоля Ламанова, опять вляпалась в очередную историю. Что называется, влипла в тесто одним местом. Девушка, погибшая в метро, за минуту до своей смерти вручила мне записку со странной фразой «Цезарь в тесте». По указанному адресу я обнаружила... труп. Моя попытка раскрыть это происшествие заходит в тупик. А тут моя подружка Надежда попросила меня помочь в расследовании запутанного дела её знакомого бизнесмена. Его сын на дне рождения отца случайно застрелил свою молодую мачеху. Я, как всегда, развиваю бурную деятельность, но один за другим начинают погибать участники того рокового застолья. И не только они. А еще оказалось, что та история с «цезарем» имеет непосредственное отношение к моему нынешнему расследованию. Кто же этот коварный убийца? Я везде сую свой нос, пока сама не получаю по голове. Короче, не жизнь, а сплошная головная боль. Но в конце концов, я с триумфом выхожу из этой ситуации.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	28
ГЛАВА 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Иван Дубинин

ЦЕЗАРЬ В ТЕСТЕ

Ироничный детектив

*Светлой памяти моего брата, Дубинина
Владимира Ивановича, художника, поэта, тонкого
юмориста, посвящаю.
Автор.*

ГЛАВА 1

Синий глаз лежал на асфальте и нахально рассматривал прохожих. И хотя смотрел он, казалось бы, снизу вверх, все равно в его взгляде было что-то вызывающе-высокомерное. Все шарахались от него, пряча глаза, а я – ну вечно вляпаюсь в какую-нибудь историю! – подошла и взяла его в руки. Без век и ресниц этот обычный орган нашего тела выглядел как-то непривычно и даже диковато, как череп без волос, но был такой... теплый и нежный.

«Ну, зачем он мне?» – подумала еще я, но слишком поздно. «Буду твоим третьим глазом!» – вдруг произнеслось у меня в голове.

И не успела я опомниться – как круглый шарик подскочил на моей ладони и с треском вонзился мне в лоб. Я подскочила от удара и... проснулась.

Фу ты! И приснится же такое! Нет, надо прекращать чтение детективов на ночь! А то и во сне уже покоя нет. Я посмотрела на будильник. Было около шести часов утра. Вставать вроде бы еще рановато, но и заснуть нормально уже не получится. Я решила пока не подниматься, а обдумать новую ситуацию, в которой опять оказалась.

В тот день я добиралась домой на метро. Моя «копейка» находилась на ремонте после небольшой аварии. Нет-нет, не подумайте ничего страшного, вожу машину я доста-

точно аккуратно. Просто, эти мужчины за рулем – сплошное безобразие. Никакого, понимаете ли, такта и уважения к даме. Я ехала во втором ряду и вдруг случайно увидела справа от себя в витрине магазина удивительную шляпку. Вообще-то, я не очень люблю носить головные уборы, но именно эта так бы гармонично дополнила мой ансамбль из плаща и сапожек. Магазин со шляпкой быстро убежал назад, но я резко свернула вправо, чтобы припарковаться у тротуара. И уже мысленно примеряла на себе новый атрибут своего наряда, как вдруг мои уши резанул дикий визг тормозов, и меня резко швырнуло вперед. Голова сильно ударилась о лобовое стекло, но, к счастью, ни то, ни другое не пострадали. Видимо, они одинаковой прочности. Не знаю, откуда взялся тот злополучный «КАМАЗ», но то, что он явно не соблюдал дистанцию, мне было абсолютно ясно. Не буду воспроизводить здесь монолог разъярённого шофера. Что хорошего могут сказать недисциплинированные водители? Помню только, как он ошарашено замолк, когда я спокойно достала из сумочки кошелёк и спросила, сколько я ему должна за причиненный ущерб? Этот грубиян ошалело посмотрел на вмятый зад моей машины, на передок своего железного монстра, кстати, без единой царапинки, потом на меня и попятился назад. Вскочив в кабину, отчаянно газуя, этот горе-водитель умчался, даже не извинившись перед дамой. О шляпке теперь не могло быть и речи.

Так что я снова временно «безлошадная». И пользу-

юсь, как все простые граждане, общественным транспортом. Можно было бы взять машину у Нади или Владика, но они им самим нужны позарез. Да и, честно говоря, я люблю иногда проехаться «подземкой».

Я стояла на платформе, когда сверху, со ступенек выскочила растерянная, запыхавшаяся девица. Ее белые волосы растрепались, а симпатичное личико с умеренной косметикой сейчас обезобразилось гримасой страха. Она явно от кого-то убегала. Беглянка отчаянно завертела головой, в надежде вскочить в отправляющийся вагон, но – увы! – поездов нигде не было. Девушка забежала за колонну рядом со мной, судорожно выхватила из сумочки записную книжку, ручку и стала быстро что-то писать. Вырвав листок, она забегала взглядом по стоящим на платформе людям. Наконец наткнулась на мои вытаращенные глаза и подскочила ко мне:

– Умоляю Вас, помогите! За мной гонятся! Меня хотят убить! Передайте эту записку по адресу!

Со стороны соседнего перрона донесся шум приближающегося поезда. Девица сунула мне в руки бумажку и метнулась туда. Я посмотрела на свернутый листок. Там прыгающими буквами было написано: «Грибову Петру. Улица Каретникова, 43/68». Из-за колонны я уже не могла видеть эту странную особу. Но вдруг раздался отчаянный крик, затем визг экстренно сработавших тормозов, и начался переполох! Я вместе со всеми ринулась туда. Люди столпились у одного из первых вагонов и живо обсуждали только что происшед-

шее событие.

– Девушка под поезд попала!

– Она хотела первой сесть!

– Вот молодёжь пошла, нет бы старшим дорогу уступить!

Я сумела-таки пробраться к краю перрона и посмотрела вниз. Там под колесами лежало изуродованное тело моей несчастной незнакомки.

Не помню уже, как я добралась домой, ошарашенная всем случившимся. Но самое странное было в том, что, когда я открыла ту злополучную записку, там такими же нервными буквами был написан полнейший бред – «Цезарь в тесте».

Вдруг раздался негромкий щелчок и завизжал сошедший с ума будильник, который дождался, наконец, своего часа! Он лихо пустился в пляс на прикроватной тумбочке, исполняя свой любимый танец «7-40», радостно вопя от переполнявшей его свободы. Я привычно подскочила в постели, потревожив мопсик (они спят со мной) и уверенным жестом стукнула его пару раз по голове. Он обиженно затих, только четко стало слышно его недовольное ворчание: «Так ты... ты так? Так ты...ты так?». Вообще-то я не то, что люблю, а предпочитаю именно такие, советского типа, будильники. Они способны были поднять на работу любого труженика, спящего мертвым сном после напряженного отдыха. Я специально ездила за ним на «железный рынок» и купила его у пожилого бывалого продавца.

– Бери, дочка, – говорил он мне, – не прогадаешь. Свое отдаю. Мою глухую тещу- царство ей небесное! – и ту поднимал. Правда, на голову ей выскакивал. Но функции свои добросовестно выполнял.

А современные электронные «пикалки» на меня не действуют. Наоборот, сладостно вплетаются в сюжет моих снов. Например, будто еду я в шикарном лимузине, а мужчины на машинах восхищенно так мне сигналият: «Пи-пи! Пи-пи!»

Я глянула на часы. Без двадцати восемь. Пора поднимать семью.

Для тех, кто еще меня не знает, представлюсь. Зовут меня Евстоля Анатольевна Ламанова. Вообще-то в детстве меня звали Кларой, Ларочкой. Но это была совсем иная жизнь. Мои злоключения начались с самого рождения, потому что я появилась на свет в довольно-таки обеспеченной семье. Если кто-то думает, что это всегда хорошо, то он очень даже ошибается. Да, у богатых нет проблем с деньгами, но полно всяких других забот, о которых даже не подозревают их неимущие собратья. И к тому же я родилась поздним и единственным ребенком. Мой папа, Анатолий Иванович Ламанов, был талантливым и, по-видимому, успешным конструктором. Он постоянно что-то творил, выдумывал, пробовал. И жил в этом своем обособленном мире. Все семейно-бытовые заботы взяла на свои могучие плечи его жена, моя мама. И творчески отрешенный муженек принял это как должное, подчиняясь и следуя ее правилам. Он всецело был по-

глощен своим делом. Когда у него получалось, папа радовался, как ребенок, и огорчался, когда что-то не выходило. Тогда он озадаченно моргал своими подслеповатыми глазками и обиженно оттопыривал губы.

К отсутствию детей отец относился с пониманием, не делая из этого особой трагедии. А когда в их жизни наконец-то появилась я, он отреагировал на это в своем духе:

– Ты смотри – получилось! Значит, я был все-таки на правильном пути!

Моя мама, Евдокия Яковлевна, в отличие от моего папочки, худосочного, иссушенного непосильным умственным трудом мужчины, была женщиной дородной, со всех сторон выдающейся. Работала она в оперном театре и втайне мечтала о славе примы-певицы. Но, видимо, Бог, когда лепил ее тело, все силы и таланты вложил именно в него, а на остальное уже ничего не осталось. Правда, кое-чего она все-таки отхватила и, надо признаться, отхватила с лихвой. Голосом моя мамуля обладала громоподобным, могучим, но вот с музыкальным слухом вышла явная промашка. Впрочем, она принадлежала к той категории счастливых людей, которые таким мелочам не придают особого значения. Мама совершенно искренне считала, что обладает замечательным голосом. И она имела резон. Не заметить его было просто невозможно. Голос-то у нее имелся, но вот назвать мою мамочку голосистой можно было только с учетом ее глубокого декольте. Как она поступила в консерваторию? Как ее закончила?

Семейная история об этом умалчивает. Тайну об этом забрал с собой в могилу мой дед – Яков Моисеевич Иванов, большого размаха человек и тонкий знаток человеческой психологии.

В театре маме доставались эпизодические проходные роли и реплики типа – «Так вот вы где?!» После чего, как правило, наступал внеочередной антракт, так как артисты вследствие этого уже играть не могли. Им надо было снова распеваться, а иногда и просто помыться.

Веря в свою звезду, мама упорно шла к своей цели. Для этого она периодически принуждала руководящий состав театра прослушивать ее на предмет последующего задействования в спектаклях на ведущих ролях. И те вынуждены были соглашаться на экзекуцию, потому что это большое дарование буквально не давало им проходу в узких коридорах театральных лабиринтов.

Ей хорошо давались арии гудка паровоза в степи, крик заблудившегося испуганного животного или восторженная песнь молодого бугая, прорвавшегося в коровник. Но подобных ролей было маловато, можно сказать, совсем не было. А вот партия Офелии или Кармен не получались. Пугались не только партнеры по сцене, но и зрители в зале. Некоторые потом боялись выйти в антракте, а другие, наоборот, делали это слишком поспешно. И назад, как правило, уже не возвращались. Доходило до конфликтов. Игорь Пискунов, знаменитый бас, постоянный театральный Отелло, узнав, что на

роль Дездемоны рвётся Ламанова, открыто заявил:

– Только не Евдокия! Иначе я действительно её задушу!

Хотя идея была заманчивой, но руководство театра пошло иным, бескровным путём, и роль несчастной влюбленной отдали другой артистке.

Жажда бурной сценической деятельности немного поугасла в маме, но с моим рождением вспыхнула в ней с новой силой.

«Вот кто осуществит мою мечту!» – решила для себя так и не взошедшая оперная звезда с первых же минут моей жизни. Но – увы! – Бог обделил этим талантом и меня. Если все нормальные дети при рождении кричат во все горло «Уа-уа!», то я пищала по-пороссячи «Уи – уи!». Короче, подложила маме свинью. Но светлая мечта сделать из меня знаменитую артистку не покидала маму и в дальнейшем.

Когда встал вопрос о моем имени, папа, работавший в системе ракетостроения, загорелся идеей назвать меня Катюшей. Но маме не очень понравилась ассоциация, связанная с ракетной установкой, и она грудью встала на защиту мирного имени своего ребенка. Папа грустно глянул на эту грудь и уступил. Клара – так звали маму моей мамы. Ничего против своей тещи Анатолий Иванович не имел, тем более, что к тому времени она уже умерла. Да и в бытность свою членом его семьи не очень докучала погруженному в свои дела зятю, а, наоборот, принимала посильное участие в создании семейного уюта.

Я росла хилым худосочным ребенком. И как ни старалась мама, видевшая во чревоугодии один из своих смыслов жизни, впихнуть в меня килограммами всевозможные яства, я ничуть внешне не менялась. Видимо, телесной конституцией я удалась-таки в папу. И потому была худая, как партизанская лошадь. Так как-то сказал про меня соратник отца, седой старикашка, испытывший, наверное, на себе все тяготы и лишения партизанской жизни.

Сказать, что в детстве я болела, это ничего не сказать. Вирусы и бактерии визжали от восторга, увидев меня. И, как эстафетную палочку, передавали из уст в уста. Мой нос напоминал старую незаживающую рану, из которой постоянно что-то сочилось. То ли это был хронический ринит, то ли аллергия на мою зажиточно-неблагополучную жизнь. Педиатр Майя Самсоновна, занимавшаяся моим здоровьем, а вернее, моими болячками, вызванная на очередное проявление моего катара невесело ухмылялась:

– Что, опять «клара верхних дыхательных путей»?

В школе я ни с кем не дружила, наверное, потому, что бывала там редко. Да вы и сами знаете, как относятся дети к слабакам. Но иногда они проявляли ко мне уважение:

– Слышишь, Ларёк, двадцатого у нас контрольная, ты уж не подведи – явись. Надо пару раз на уроке в обморок упасть.

А еще я любила петь. Это единственное, чем я удалась в маму. Ну, «петь» – это громко сказано. Я не пела, а пищала. Причем мой писк имел нехорошую особенность проникать

во все уголки нашей большой квартиры. И бывало папа, вообще-то относившийся ко мне трепетно, выскакивал в ужасе из своего кабинета, держась за голову:

– Ларочка! Солнышко! Я тебя умоляю, займись делом, поиграй лучше в куколки.

– А я и играю, – невинно отвечала я. – Это я ей пою колыбельную песенку.

– Боже! Я думал, что летит снаряд и сейчас как грохнет! – растерянно говорил отец. – Дусик, уведи ребенка, я работаю!

И мама, нашептывая мне непреклонные заповеди о том, что, когда папа работает, ему нельзя мешать, вела меня на кухню. И там заклепывала мой рот пирожными, чтобы оттуда – не дай Бог! – снова не вырвался звук, так напугавший нашего хрупкого ракетчика.

Вообще-то, в нашей семье существовало железное правило: если папа дома – петь категорически запрещалось. Конечно, это было сурово, но мама помнила, как однажды, когда она дала волю своему таланту, наш конструктор невольно сделал ошибку в своих расчетах. И ракета полетела совсем не в том направлении. Приезжал генерал и лично просил уважаемую Евдокию Яковлевну в целях укрепления обороноспособности нашей страны и усиления безопасности граждан воздерживаться впредь от проявления своего редкого по воздействию дарования. Мама, как могла, терпела, но иногда – часто это бывало летом у нас на даче в Соловьёво – устремлялась, переполненная чувствами, в лес (на певческую охо-

ту, как говорил папа) и там облегчалась от голосового воздержания. И, как правило, возвращалась домой не с пустыми руками. Это были лесные птицы, получившие разрыв сердца от звукового воздействия. А однажды даже пришлось вызывать «скорую помощь», так как наш соловей-разбойник (по определению папы) не заметила за деревьями группу невинно отдыхающих людей. Причем, врачи впоследствии отмечали особенность воздействия маминого голоса. Он каким-то образом резко активизировал бактерии, вызывающие бурное послабление кишечника.

Червь ущемленного самолюбия постоянно донимал маму. И хотя она понимала, что певицы не выйдет и из меня, это отнюдь не мешало ей видеть во мне будущего выдающегося музыканта. А поскольку процесс этот длительный и требовал развития музыкальных способностей еще с детства, то мои страдания, как вы догадываетесь, начались достаточно рано. Сначала надо было решить принципиальный вопрос, какой инструмент в будущем принесет славу ребенку? Мама, как человек практичный, решила испробовать всё, начиная от губной гармошки и кончая роялем. Но поскольку я была существом слабосильным и подолгу не могла удерживать тяжелые предметы, то от больших по размеру инструментов пришлось отказаться сразу. В ходе эксперимента мне несколько раз больно прибивало пальцы крышкой пианино, и я панически боялась прикасаться к клавишам. А однажды меня даже привалило контрабасом, пока моя няня Соня ненадолго

куда-то отлучилась. И если бы не издаваемый мною отчаянный писк, то есть звук совершенно не свойственный данному инструменту, никто бы не догадался заглянуть под мирно лежащую большую скрипку. В ходе музыкальных выборов мама все больше стала склоняться к щипковым инструментам, чтобы я сама могла в будущем аккомпанировать своему пению. Но папа втайне, наверное, желая под благовидным предлогом перекрыть выход моим певческим потугам, вдруг начал вести сладкие разговоры о милозвучности духовых инструментов: флейты, кларнета, саксофона. На удивление, мама быстро с ним согласилась. В конце концов, остановились на кларнете, что тоже имело для меня негативные последствия. Меня постоянно донимали по этому поводу. Вы помните, конечно, скороговорку «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет». Каких только вариантов на этот счет я ни наслушалась. И – «Карл у Клары украл доллары», и – «Клара у Карла украла кларнет, а Карл у Клары наклевал в клозет». И так далее до бесконечности. Но, тем не менее, в будущем игра на этом инструменте стала моей профессией. Я окончила консерваторию и одно время даже концертировала вместе с оркестром. Но особым талантом, как вскоре выяснилось, в этом деле я не блистала. И тем более частое мое отсутствие на репетициях в связи с постоянными болячками переполнило казалось бы бездонную чашу терпения нашего дирижера. И мне пришлось уйти. Но мама, как ни странно, этому особо не огорчилась. К тому време-

ни наш папа уже отошел в мир иной, и она считала своим долгом окончательно устроить меня в жизни, то есть удачно выдать меня замуж. Я, к сожалению, из гадкого Утенка не превратилась в прекрасную Лебедь, а стала, как и следовало ожидать, гадкой Уткой. При росте около ста семидесяти сантиметров, я была тощей, как гоночный велосипед, весом едва перевалив за пятьдесят килограммов. И там, где у женщин обычно бывают округлости, у меня были незначительные припухлости. А вот с ногами, вернее, со ступнями, творилось что-то невообразимое. Они вытягивались, как лыжи, и их размер приближался к моему весу. Да еще моя манера ходить давала полное основание няне Соне говорить мне:

– Ларочка, не шлепай ластами, ты же не Ихтияндр!

Но даже в таком тщедушном теле имелось сердце, и его тоже одолевали чувства. Однако Коля Гущин, мой сокурсник по консерватории, к которому я питала слабость, заявил мне откровенно:

– Знаешь, Ларец, ты человек хороший, но я – мужчина, а не собака. На суповой набор не бросаюсь.

И я поставила на себе крест. Но мама была обо мне иного мнения.

– Да я всю жизнь мечтала о такой фигуре! – убеждала она меня, трясая от возбуждения своим третьим подбородком, который плавно переходил у неё в коленные чашечки. – Ты посмотри какие девки ходят на подиуме. Берёзки! Тонкие и звонкие. Так что насчёт замужества даже и не сомневайся, –

уверяла меня опытная женщина, – с этой задачей мы справимся. Это не они берут тебя в жены, а ты выбираешь себе мужа. Они еще проситься будут, а мы им: «В очередь, сукины дети!» – громыхала будущая теща, и мелко дрожали стекла открытого окна у нас в квартире. А во дворе дома, невидимая нам толпа покупателей у киоска, вдруг перепуганно вытягивалась в правильную цепочку.

У моей родительницы на примете было множество вариантов, но все кандидаты по разным причинам не годились ей в зятья.

– Ну что ты, Ларочка, – просвещала она меня, – мужчины и созданы для того, чтобы ублажать нас, потакать нашим капризам. Они должны нас по жизни, если не носить на руках, – тут она делала паузу и поясняла, – не каждому это под силу! – то, по крайней мере, возить на шикарных машинах.

Наконец мне был подобран достойный муж. Он оказался двоюродным племянником троюродной сестры одной хорошей знакомой нашей соседки по даче. Вася, так звали моего суженого. Впрочем, был он как раз наоборот – расширенным: развернутые плечи, рельефная мускулатура. Чернявый, кареглазый симпатяга и к тому же культурный – кандидат в какие-то науки. Но это в прошлом, а сейчас, в связи с развалом страны, мой жених ушёл в бизнес и довольно-таки успешно, с его слов, там промышляющий. Я покорно подчинилась маминой воле. Мне было все равно. Мой муж полностью оправдал мамины надежды. И хоть не носил ме-

ня на руках, по той простой причине, что я не позволяла, во всем остальном он был безупречен. Даже мою фригидность воспринял с пониманием и не настаивал на близости. Он переселился к нам, и мы зажили все вместе в нашей большой квартире, пока мама, обрадованная счастливым исполнением своего последнего долга, не отправилась следом за папой. Всеми хлопотами по хозяйству занималась моя незаменимая няня Соня, а Василий целыми днями пропадал на работе и поздно ночью валился без ног от усталости в постель. Причем, его благородство проявилось еще в том, что, дабы не беспокоить меня, он поставил свою кровать в отдельную комнату. Жизнь моя текла, как и прежде, вяло, уныло и безрадостно. Впрочем, одна радость у меня все же имелась. Это мои любимые детективы. Какие там были герои! Сильные, бесстрашные, умные! Как ловко они разгадывали запутанные злодеяния преступников и выводили убийц на чистую воду. Куда мне до них! Но я хоть мысленно становилась иногда на их место.

Василий Ломов зарабатывал, наверное, неплохо, потому что жили мы безбедно. Любой мой каприз тут же исполнялся. Впрочем, какие там капризы? К драгоценностям я относилась равнодушно, наряжаться было не к чему, а на еду я вообще не могла смотреть из-за почти тотальной аллергии. Я целыми днями валялась в постели, не то сонная, не то больная. Читала детективы и глотала таблетки с микстурами по расписанию, заботливо составленному моим мужем.

И вот однажды моя жизнь круто изменилась. А началось все с того, что в тот роковой день кто-то позвонил в двери. Няня Соня, как всегда, надолго ушла на рынок, а Василий крутился на работе. Так что пришлось мне отложить в сторону детектив, остановив на время падающую с крыши дома жертву на уровне третьего этажа и затормозив убегающего преступника, а самой выползть из-под пухового одеяла и плестись к дверям. На пороге стояла молодая вызывающе красивая девица.

– Вы – Клара Ломова? – тоном следователя по особо важным делам спросила она.

– Да, – машинально кивнула я.

– Это Вам, – красавица ткнула мне какой-то пакет.

– Вернее, я не Ломова, – сказала я.

– А кто Вы? – изумилась посетительница.

– Я – Ламанова.

Тут надо пояснить, что фамилии у нас с мужем разные. Мама настояла, чтобы я оставила за собой фамилию отца.

– Дайте сюда! – девушка вырвала у меня из рук пакет.

– Но я – Клара.

– Вы жена Василия Ломова?

– Да.

– Тогда это Вам, – она снова вручила мне сверток.

– Что это? Мой муж передал? Вы с его работы? – заинтересовалась я. – Заходите, чаю попьем. – Я вежливо посторожилась, приглашая ее к себе.

Но девица только сверкнула глазами и, бросив мне уже через плечо: «Посмотрите сейчас же!», спешно стала спускаться по лестнице.

Да, строго держит мой муженек своих сотрудников, подумала я, не разрешает в свою квартиру заходить. А со мной такой вежливый, податливый. И я еще раз с благодарностью вспомнила свою мамочку за то, что она подыскала мне такого хорошего мужа.

В пакете лежала видеокассета и записка: «Смотри одна!». Вася написал это почему-то печатными буквами. Чудак, неужели бы я смотрела ее с няней Соней? Ведь сам же прислал что-то секретно-интересное, заботливый мой. А эта девица еще командует: «Смотри сейчас!» Ага, брошу я тебе детектив на самом интересном месте. Вечером посмотрю.

Я небрежно кинула пакет на стол, а сама снова заползла в уютное лежбище и... отпустила жертву падать вниз!

Спустя полчаса снова позвонили, но это был уже телефон. Я даже подскочила в кровати! Тут как раз моя героиня шла по кладбищу и наступила на торчащую из-под земли кость, а она как... зазвонит! Я схватила косточку, то есть трубочку, и выпустила в неё адреналин:

– Алло!!!

– Вы уже посмотрели кассету? – голос был женский и злобный.

– А, это Вы! – догадалась я. – Нет, еще не успела.

– Как не успела? – растерянно слышалось из трубки.

Затем девица, видимо, пришла в себя, потому что тон снова стал нахальным. – Немедленно посмотрите! Я перезвоню! – И в моё ухо понеслись обидные звуки «пи-пи-пи...»

Ну, ты глянь какая! Она еще будет мне указывать! Не буду ей подчиняться! Вот придет Вася, вместе и посмотрим.

Я снова взялась за книгу, но настроение уже испортилось. Исчезло состояние полного проникновения в канву повествования и наслаждение от чтения. Ладно, решила я, поставлю кассету, все равно не даст покоя эта нахалка.

Сначала я была шокирована! На экране возились два обнаженных тела. Мужчина был снят со спины, а вот в девице я сразу узнала свою гостью. Ах, вот оно в чем дело! Какой же все-таки заботливый у меня муж. Видимо, он, обеспокоенный моей холодностью, решил прислать мне пособие по брачной жизни, а сам вручить постеснялся. Я сперва смотрела с опаской, а потом увлеклась. Они такое там вытворяли! У меня сердце заколотилось! И тут вновь затрезвонил телефон. Я по привычке подскочила на месте.

– Ну что, посмотрели? – уже с надеждой в голосе спросила героиня фильма.

– Слышишь, так классно! – Я от восторга перешла с ней на «ты». – У тебя еще такое есть? Давай приноси!

– Как – «классно»? – опять растерялась девица. – Вы до конца посмотрели?

– Еще нет.

– Так посмотрите! – она сорвалась на крик.

И тут я все поняла. Лицо мужчины наконец-то появилось на экране, и я узнала в нем... своего мужа. Но главное было не это. Главное были его глаза – невиданно счастливые! В телевизоре еще продолжались действия, но я уже ничего не замечала. А когда в очередной раз зазвонил телефон, я машинально подняла трубку и, как сквозь ватное одеяло, глухо воспринимала роковые слова: «Мы с Василием любим друг друга... У нас будет ребенок... Отдайте мне Вашего мужа...»

Я не ощущала в душе ни ревности, ни сожаления, ни боли. Там была пустота. И я вдруг осознала простую истину. Я никому на этом свете не нужна!

Упав на постель, я где-то с час мучительно наслаждалась этим откровением. Потом встала и спокойно решила: надо прощаться с жизнью. Но как? Повеситься! У меня сразу перехватило горло и стало трудно дышать. Потом перед глазами возникли картинки висельников, виденные в страшных фильмах – одутловатые перекошенные морды с вытаращенными глазами и багрово-синим языком. Брр! Говорят ещё, у них все сфинктеры раскрываются. Так что обосрамлюсь по полной программе. Нет, это мне не подходит. Выброситься из окна! Но у нас хоть и пятый этаж, все равно лететь долго и потом... больно биться об асфальт. Не хочу. Может, отравиться газом? Точно, сейчас открою все краны, а сама лягу на кухне, можно даже головой в духовку. Но ведь газ распространится по всему дому, кто-то из соседей обязательно

чиркнет спичкой, и... все взлетят на воздух! Невинные жертвы мне не нужны. О! Надо застрелиться! Бац и все. Только вот... пистолета у меня нет. Нужно что-то быстренько решать, потому что в любой момент может вернуться няня Соня и все испортить. Я поспешно накарябала записку: «В моей смерти прошу винить меня», положила ее на кровать мужа и придавила злополучной кассетой. Пойду из дому, куда глаза глядят, решила я. Устану, простужусь, заболею и... умру. Так мне и надо.

А то, что на дворе еще довольно-таки теплый сентябрь, про это я и не подумала. Поняла лишь тогда, когда вышла из дома. На мне был спортивный костюм и лыжеподобные кроссовки. И все. Я даже ключи с собой не взяла, чтобы не возвращаться назад. Просто захлопнула дверь и... свою жизнь.

А на улице сновали машины, озабоченные люди спешили куда-то по своим делам. И лишь я брела неизвестно куда, никому не нужная.

Стемнело и стало прохладно. Я устала и...захотела есть! Такого со мной давно не бывало. Вот сейчас возьму и наемся всякой гадости, которая мне категорически запрещена, сразу возникнет аллергическая реакция, меня всю обсыпет, начнется приступ удушья или даже шарахнет аллергический шок, и я наконец-то умру!

Но судьба продолжала издеваться надо мною. Кошелек-то остался дома! Я наудачу пошарила по карманам, но там лежала какая-то мелочевка: две по сотенке долларов и еще

несколько двадцаток. Ничего, на отраву хватит!

И я направилась в супермаркет. Поменяла деньги и накупила всякой убийственной всячины: несколько качалок копченой колбасы, балыка, селедки, три килограмма апельсинов, кучу шоколада много еще разной смертоносной снеди. Пришлось приобрести большую хозяйственную сумку, чтобы все это куда-то упаковать. Молодая приветливая продавщица, выбив мне чек, помогла уложить продукты.

– На день рождения закупаете? – поинтересовалась она.

– На похороны, – мрачно пояснила я и поволокла сумку к выходу.

Хотя она и была на колесиках, но передвигалась с трудом. Я направилась к мосту через Москва-реку, пристроилась возле парапета и, отдышавшись, начала процесс алергизации. Как ни странно, отравка оказалась вкусной. Я обмазывала нечищеную палку колбасы майонезом, горчицей и кетчупом и, жадно откусив, неистово жевала ее, заедая сочными апельсинами. Затем добавляла жирной селедки с шоколадом, запивая эту смесь клубничным йогуртом. Как я ни старалась, много съесть не удалось. Но и этого, наверное, будет достаточно. Я прислонилась спиной к мраморному ограждению и стала ждать смертельной реакции. Но мне было хорошо. В животе ощущалась горячая тяжесть, даже потянуло на сон. Прождав безрезультатно полчаса, я поняла, что попытка аллергического отравления не удалась. Осталось последнее – топиться в Москва-реке. Почему-то в па-

мяти всплыл старый анекдот, как один самоубийца решил повеситься. Нашел дерево на берегу реки, привязал веревку за ветку и повис. Ветка не выдержала и обломилась. Он с высоты плюхнулся в воду и стал захлёбываться. Перепуганный, выскочил на берег: «Так же и утонуть можно!»

Я поползла почти до середины моста и остановилась. Назад дороги не было. Только вниз. Я посмотрела туда, но ничего кроме темноты не увидела. Надо сразу камнем на дно, пока никого нету, да и чтоб не замерзнуть. А то вода, наверное, холодная. Но где взять камень? А сумка на что? – осенило меня. Она на десяток хороших кирпичей потянет! Я попыталась поставить ее на ограждение. Но не тут-то было. Не с моими физическими данными. Тогда я сделала по-хитрому. Выложила почти все из неё, подняла ее наверх и снова затарила. Ты смотри, какая я сообразительная, когда мне что-то действительно нужно, порадовалась я за себя. Теперь следовало просунуть голову в ручки сумки и оттолкнуться. Я стала взбираться на ограждение, одновременно вставляя голову в петли. И не успела я ничего сообразить, как сумка, сдвинутая с места, сорвалась и потянула меня за собой. Я полетела кубарем вниз. Во время одного из пируэтов в воздухе, ручки слетели с моей шеи, и мы понеслись каждый по отдельности.

– Ой, мамочка! – успела заверещать я и со всего размаху шлепнулась вслед за сумкой об твердую, ребристую поверхность воды. Что-то сильно хрустнуло, а вот всплеска я

не слышала. Последнее, что мне запомнилось, был гневный женский голос:

– Итить твою мать!!!

ГЛАВА 2

Моя кровать почему-то мерно покачивалась, а рядом плескалась вода. Наверное, Василий принимает ванну, решила я. Но почему в моей спальне?

Я разлепила глаза и вместо потолка увидела темное звездное небо.

– Крышу, наверное, снесло, – вслух подумала я.

– Это точно! – вдруг раздался рядом женский голос, и я увидела над собой незнакомое лицо.

– Где я, еще на Земле?

– Нет, уже на воде.

Я попыталась встать, но тело пронзила боль, принудив снова замереть в той же позе. Сознание окончательно вернулось ко мне, и я все вспомнила.

– Так я не под водой? – робко поинтересовалась я.

– Ты в лодке.

– В подводной?

– Ты чё, правда чокнутая?! – разозлилась женщина. – Ну не ёлки-палки! В кои веки выбралась на природу, подышать свежим воздухом, покататься на лодке. Так – на тебе! Какая-то чувырла валится прямо на голову с месячным запасом продуктов!

Мне стало неловко, я заёрзала, и снова боль дала о себе знать.

– Ой, – невольно вырвалось у меня. – Я, наверное, разбилась.

– Ничего ты не разбилась. Как говорится, обделалась легким испугом. Все у тебя нормально, я тебя прощупала.

– Зачем? – смутилась я.

– Затем, что я – врач.

– Но я слышала, как что-то хрустнуло.

– Ага, хрустнуло. Весло пополам. Кто теперь на лодочной станции расплачиваться будет?

Я расплакалась.

– Ладно, не реви, – примирительно сказала докторша. – Тоже мне – девушка с веслом!

– А Вы какой врач? – поинтересовалась я.

– Проктолог.

– А это что?

– Ну, лечу то место, через которое у нас все делается.

– Так Вы гинеколог?

– Ты что – озабоченная? Говорю же тебе, то место, которым ты думаешь! Слушай, ты что, специально прыгнула? Или экстремалка – по парапету с сумками ходишь?

Я снова расплакалась и вперемешку с соплями и слезами рассказала ей всё.

– Так тебе некуда идти? – тихо спросила она.

– Некуда.

– Ладно, – вздохнула она. – Поплыли к берегу.

– Куда?

– Ко мне домой. Куда же еще?

Так я оказалась в семье Надежды.

А с мужем я потом развелась. Он оказался совсем не тем, за кого себя выдавал. И прикидывался хорошеньким вынужденно, потому что моя мамочка всё устроила так, чтобы он содержал меня, и себя, конечно, на мои деньги.

Надежда Анатольевна, как вы уже поняли, была хирургом-проктологом, специалистом по заболеваниям прямой кишки. Причем, хирургом, как говорится от Бога. Невысокого росточка, щупленькая, с короткой стрижкой каштановых волос, она выглядела совсем не солидно для кандидата медицинских наук. Её маленькие умелые ручки творили буквально чудеса, хотя чаще всего к ней попадали сложные, запущенные случаи. Вы же знаете, как мы относимся к подобным болячкам. Стыдно, да и оскорбительно не то, что показать, а и повернуться даже к доктору таким местом. К ней записывались на прием, ее знали в лицо. А у нее была чисто профессиональная память. Иной больной, явившийся на послеоперационный осмотр, удивленно спрашивал:

– Вы меня не помните, Надежда Анатольевна?

Она коротко бросала:

– Раздевайтесь.

И лишь взглянув на знакомое место, радостно восклицала:

– А! Так это Вы, Иван Степанович! Ну, как Ваши дела?

Вообще-то проктологом она стала почти случайно. Да, в

хирургию она рвалась. Имея решительный мужской характер, она не терпела полумер. Если есть проблема – вскрыть, отрезать, удалить! Но чаще на наш выбор профессии влияют конкретные личности. Сколько восторженных девочек стало впоследствии учителями, желая походить на свою классную руководительницу Марью Ивановну. А Наденька в студенческие годы влюбилась в профессора госпитальной хирургии Александра Александровича Спакоцкого. Это была уникальная личность. И как специалист – мастер своего дела, и как человек – добрый, остроумный, с юмором.

– Запомните, – учил он своих студентов, – дефекация, то есть акт опорожнения кишечника – это как поцелуй. Если не получаешь удовольствия, значит, уже патология.

А с каким вдохновением он читал лекции по проктологии! Его любимой темой была «Инородные тела прямой кишки». Об этом он мог рассказывать часами. У него на кафедре имелась даже коллекция таких предметов, которой он очень гордился. Но самый ценный его экспонат, об этом профессор всегда рассказывал с обидой и горечью, исчез хоть и не бесследно, но навсегда. А дело было так. К ним поступил пациент с резкими болями в низу живота и чувством распираания в прямой кишке. Срочно пошли на операцию, и через время на свет появилась... палка сухой колбасы. Спакоцкий был в восторге! Такого экземпляра в его коллекции еще не было. «Инородное тело» соответствующим образом обработали, и Александр Александрович поручил медсест-

ре отнести его в свой кабинет. Размывшись после операции, он поспешил полюбоваться новым приобретением. Но будущее украшение коллекции... бесследно исчезло! Напрасно мотался он, рассерженный по кафедре, вопрошая у каждого встречного: «Где мой экспонат?!» Это был глас вопиющего в пустыне. Как оказалось впоследствии, медсестра положила операционную находку в ординаторскую на стол, а пришедшие на ночное дежурство ассистенты подумали, что это очередной презент одного из благодарных пациентов и без зазрения совести...съели его. Было тогда всем!

Надежда, как человек увлеченный, сидела глубоко, по самые уши в этой своей работе, совершенно не занимаясь домашними делами. И двое мужчин, попробовавшие по очереди побыть в роли ее супругов, вскорости не выдержали испытания на мужество. Во-первых, зачем нужна такая жена, если ее постоянно нет дома, а, во-вторых, какой дурак захочет иметь жену умнее себя? Так что Надежда осталась сама. Вернее, после двух краткосрочных браков ей неожиданно досталось наследство: старший сын Влад – двадцати четырех лет, высокий, слегка сутуловатый брюнет и двенадцатилетний пухленький русоволосый Данилка с хитрыми прищуренными глазками озорного бесенка. Причем, оба сына не ее родные. Первый – от третьей жены второго мужа, а меньший – двоюродный племянник третьего мужа второй жены Надеждиного первого мужа. Все они живут дружной семьей и зовут ее мамой. Кстати, Влад уже женат на маленькой сим-

патичной Шурочке. Он называет ее ласково Шурупом. А она его Оладиком. Так что, как видите, ладят. Своих детей у них пока нет, и я не знаю, хорошо ли это для нас или плохо. Есть у нас еще один полноправный член семьи. Точнее, одна. Это четырнадцатилетняя Тоня, которая прибилась к нашему берегу совершенно случайно. Точно так же как и меня Надежда подобрала её где-то на улице. Жить стало веселей, потому что они с Данькой постоянно спорят, ссорятся и даже дерутся. Данилка не хочет ни в чем уступать Тоне по праву своей принадлежности к мужскому полу, а девочка отстаивает свое верховенство, считая себя намного старше и умнее его. Но страдаем от этого мы, взрослые, потому что нет от них покоя.

Кроме того, в доме живет куча всякой живности. Я сначала была в ужасе от такого зверинца, но потом привыкла и даже полюбила их всех. Две мопсикси – Жуля и Лада, стаффордширская терьерка Стрейчел и двортерьер Тамик. Мы его с Тосей случайно нашли в большой коробке для тампаксов. Сначала была идея так и назвать щенка – Тампакс. Но воспротивился Данька.

– А если кто услышит, как я его зову: «Тампакс, иди ко мне!»? Что обо мне подумают?

– Можно располовинить название, – не сдавалась девочка. – Или Тамик, или... Пакость.

Естественно, остановились на первом варианте. А еще у нас есть черная кошка Пирамида, белый кот Мяус и лягуш-

ка Герпруда. История их имен тоже не безынтересна. Кошку приволок в дом Данилка, сжалившись над черным комком несчастья, дрожавшим возле мусоросборника. Он самостоятельно вымыл его шампунем в ванной, но котенок от этого ничуть не посветлел. «Здорово!» – воссиял новый хозяин животного и тут же дал ему кличку Эбонит, вспомнив, по-видимому, опыты по физике с черной палочкой. Но взрослым это имя почему-то не понравилось. А когда несколько дней спустя вечером приползла с работы уставшая Надежда и прилегла на диван с мигренью, эта черная шапочка умо-стилась у нее на голове и сняла дикую боль.

– Да он же, как пирамидон! – воскликнула выздоровевшая больная.

Так Эбонит стал Пирамидоном. Но на этом чехарда с его именами не закончилась. Как-то по весне заболело само «обезболивающее средство». Оно то носилось с дикими воплями по комнатам, то жалобно мяукало, забившись в угол, а то, вытянув вперед задние лапы, гребло передними, скользя задницей по ковру. Я тогда страшно перепугалась, так как не имела абсолютно никакого опыта общения с животными, но Надежда отнеслась к этому по-философски спокойно:

– Что поделаешь? Природа зовет. Месяц март – коты на старт! Тут два варианта: либо мы отпускаем его на волю, либо ему надо отсечь... фабрику любви.

– Как это? – изумилась я.

– Кастрировать, – по-хирургически просто пояснила На-

дя.

– Так ему же, наверное, будет больно.

– С любовью всегда больно расставаться, – заметила умудренная опытом несчастной любви женщина.

Но к нашему счастью мучить бедную животинку не пришлось. Потому что Пирамидон оказался... кошкой! Мы дружно набросились на Данила.

– А я откуда знал?! – оправдывался еще не искушенный в таких делах малец. – На них же ни платьев, ни брюк нет!

– Так надо было под хвост посмотреть! – упрекнул его Влад.

– А чё я? Сам бы и смотрел!

– Я тебе доверял.

– Ага! Если бы ребята в школе узнали, что я котам под хвост заглядываю – засмеяли бы!

– Мать, так это ж ты у нас специалист по задним местам, – переключился старший сын на Надежду.

– Ну да! На работе целый день насмотришься, так еще и дома норовят мордой под хвост тыкнуть! – огрызнулась проктолог.

Так Пирамидон автоматически стал Пирамидой. Впрочем, Данилка еще зовет ее иногда «Пи-пи-рамидой» за склонность мочить свою репутацию и наши ковры.

А Мяуса уже и не помнят, кто назвал.

– Просто у него мягкий ус, – сказала Шурочка.

– Нет, он прикольно мяукает, – пояснил Данилка.

– Это он так мяса просит, – поставил точку Влад.

Короче, кличка кота ни у кого не вызывала возражения. А вот то, что лягушку назвал Герпрудой Данька, все помнят точно. Он неизвестно где ее выловил, притащил в дом и долго восхищенно возился с ней, приговаривая: «Ну, красавица! Ну, героиня!». И, в конце концов, дал ей имя – Герпруда.

– Эх, ты «Герпруда»! – укорила его литературно осведомленная Шурочка. – Надо говорить – Гертруда. Так звали королеву датскую в «Гамлете». Вы что, Шекспира ещё не проходили? Или ты, как всегда, прошел мимо?

– Сама ты прошла мимо со своим Шекспиром! – возразил умный мальчишка. – Нам историк рассказывал, что в первые годы советской власти детям давали имена в духе того времени. Мальчики были Кимами, Тракторами, а девочки носили имена – Пятилетка, Октябрина, Гертруда, что значит – героиня труда. А моя Герпруда – героиня пруда! Вот.

Логика была железная, и никто не стал возражать. Героиня так героиня.

А еще у нас живут три хомячка – Кеша, Леша и Миша. Как видите, все со своими прозвищами. Кстати, у меня тут тоже появилось новое имя. Когда Надя привела меня в дом, и мы начали знакомиться, мне не захотелось называть себя по-прежнему. Опять начнется «Карл у Клары...». А я и Клара теперь не пара! Не хочу! С той жизнью было покончено. Раз и навсегда. И я назвалась старым русским именем, которое когда-то вычитала в журнале, и оно вдруг почему-то сейчас

выплыло из моей памяти:

– Евстоля!

– Как?! – изумились все.

– Евстоля! – гордо повторила я.

– Ух, ты! – сказал Владик. – И не выговоришь сразу. А сокращенно как будет?

– Столик! – хихикнул Данилка.

– Так это же мужской род, – возразил старший брат.

– А какое это имеет отношение до стола? Он же не будет размножаться, – прыснул бесенок и тут же получил подзатыльник от мамы.

– А мне нравится – «Столя», – тихо сказала Шурупчик и мило улыбнулась. Я ответила ей тем же, поняв, что мы подождемся.

На этом их изощрения по поводу моего имени не закончились, они продолжают до сих пор в зависимости от настроения и обстановки. Как только меня не называют: и Столян, и Стольник, и Столпудель, и Столюнчик, и даже Столешница! Но я не обижаюсь, мне нравится, потому что говорят они это дружески, от всего сердца. Вот так мы и живем. Я занимаюсь домашним хозяйством, Надежда сутками пропадает в своей больнице, Влад с Шурочкой работают в каких-то фирмах, а Даня с Тоней ходят в школу и по многочисленным, постоянно меняющимся кружкам.

ГЛАВА 3

Дикий рёв этого Будила прервал мои размышления. И, главное, никто не слышит грохота этого железного чудовища, но стоит мне запеть моим тоненьким голоском – «Вставай, поднимайся, рабочий народ!», как все, будто ошпаренные, выскакивают из своих комнат и таращат на меня глаза:

– Ты что, Столпудель, с ума сошла?! Орешь на весь дом. Так же можно и вообще не встать!

Я знаю силу своего голоса. Он ракетам траекторию менял. Самая дисциплинированная – Надежда. Она молча направляется в ванную, потом быстро завтракает и убегает на работу. Следом идет Шуруп. Со всколоченной головой и в смятой облегающей пижаме, она и вправду похожа на свое прозвище. Затем на автопилоте, с закрытыми глазами бредёт Влад. Труднее всего поднять детей. Тоня – настоящая соня. Но с ней еще как-то можно справиться. А вот Данилка... Он зарывается в одеяло, под подушку и ни на что не реагирует. Затем гребёт ногами, пытается продырявить головой матрац, чтобы скрыться от моих настойчивых притязаний. Но, поняв бесполезность своих действий, наконец, выныривает на поверхность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.